

ОРИЕНТАЛИЗМ

Знание и Ориенталистская
репрезентация

Во введении к недавно вышедшей «Кембриджской истории ислама», «Восточная библиотека», наряду со вступительной статьей к его переводу Корана Джорджа Сэйла (Sale) (1734) и «Историей сарацинов» Саймона Оккли (Ockley) (1708), называется «исключительно важной» для развития «нового понимания ислама» и рекомендуется «широкому кругу читателей».

Как считает Саид, «такая рекомендация представляет работу д'Эрбело в неверном свете, поскольку она, в отличие от трудов Сэйла и Оккли, касалась не только ислама. Помимо *Historia Orientalis* Иоганна Г. Хоттингера, вышедшей в свет в 1651 году, «Восточная библиотека» д'Эрбело оставалась в Европе стандартным справочным изданием вплоть до начала XIX века. Ее масштаб поистине эпохален. Галлан, первый переводчик сказок «Тысяча и одна ночь» на европейский язык и видный арабист, противопоставил достижения д'Эрбело всем прежним, отметив поразительный размах его предприятия. Д'Эрбело, пишет Галлан, прочитав огромное множество работ по-арабски, по-персидски и по-турецки, открыл тему, прежде полностью скрытую от европейцев. Начав с составления словарей этих трех восточных языков, д'Эрбело приступил затем к изучению истории Востока, его теологии, географии, науки и искусства как в их легендарном, так и в подлинном вариантах. Впоследствии он решил написать две работы: одна из них – это *bibliothèque*, «библиотека», расположенный в алфавитном порядке словарь, другая – *florilège*, антология. Завершить удалось лишь первую часть работы.

В статье Галлана утверждается, что *Bibliothèque* должна была включить в себя преимущественно Левант, притом – Галлан говорит об этом с восхищением – рассматриваемый период времени не ограничивается только временем от сотворения Адама и до «*tempsoù poussommes*». Но д'Эрбело идет значительно дальше, обращаясь ко времени. Далее в статье Галлана мы узнаем, что *Bibliothèque* была похожа на «всякую другую» историю мира, поскольку пыталась представить полный компендиум знаний, имеющихся по таким вопросам, как Творение, Потоп, разрушение Вавилонской башни и т. д. – с тем только отличием, что д'Эрбело пользовался восточными источниками. Он разделил историю на два типа – священную и профанную (евреи и христиане – в первой, мусульмане – во второй) и два периода – до и послепотопный.

Таким образом, д'Эрбело смог обсуждать столь разные вещи, как историю монголов, татар, турков и славян. Работа включает в себя также все области мусульманской империи, от Дальнего Востока до Геркулесовых столпов, вместе с их обычаями, ритуалами, традициями, комментариями, династиями, дворцами, реками и флорой. Такая работа более компетентной, нежели все прежние работы. Галлан завершает свои «Рассуждения» обстоятельным уверением читателя в том, что «Библиотека» д'Эрбело исключительно «*utile et agreeable*».

Стараниями д'Эрбело Европа открыла для себя собственные возможности по очерчиванию (*encompassing*) и ориентализации Востока. В том, что Галлан говорит по поводу собственной и д'Эрбело *materia orientalia*, здесь и там проглядывает определенное чувство превосходства. Как и в трудах географов XVII века, таких как Рафаэль дю Манс (R. du Mans), европейцы смогли еще раз убедиться, что западная наука обогнала и превзошла Восток. Но очевидным становится не только преимущество западного взгляда на мир: есть еще и успешный опыт, и методы освоения несказанного изобилия Востока, приведения его в систему, упорядоченную по алфавиту и доступную даже непрофессионалу. Когда Галлан говорит о д'Эрбело, что тот соответствует ожиданиям, это означает, как мне кажется, что автор *Bibliothèque* не пытается пересматривать прежние представления о Востоке. Ведь ориенталист именно тем и занимается, что соответствует в глазах читателей их представлениям о Востоке, он и не пытается разрушать уже устоявшиеся убеждения.

Все, что делает «*Bibliothèque orientale*» – это репрезентирует Восток более полно и более ясно. То, что прежде было бессвязным собранием случайно добытых фактов по поводу левантской истории, библейских представлений, исламской культуры, наименований мест и так далее, превращается в рациональную панораму Востока от А до Я.

Саид считает, что в целом «Дидактические качества ориенталистской репрезентации невозможно отделить от общего исполнения. В научной работе, такой как «Восточная библиотека», которая является результатом систематического исследования, автор подчиняет проработанный материал дисциплинарному порядку. Кроме того, он стремится ясно дать читателю понять, что издание представляет ему материал в упорядоченном дисциплинарном

суждением виде. Таким образом, в действительности «Библиотека» воплощает в себе идею силы ориентализма и его эффективности. Читателю постоянно напоминают, что впредь, для того чтобы добраться до Востока, ему придется пройти сквозь выстроенные ориенталистами научные схемы и коды. Восток не только подгоняли под моральные требования западного христианства, его окружили стеной подходов и суждений, отсылавших западный ум не непосредственно к восточным источникам, но прежде всего к другим работам ориенталистов».

Поэтому Саид отмечает, что «сцена ориентализма, превращается в систему морального и эпистемологического оцепенения. В качестве репрезентирующей институционализированное западное знание о Востоке дисциплины ориентализм воздействует трояким образом.

Он воздействует на Восток, на ориенталиста и на западного «потребителя» ориентализма».

Саид показывает полноту и мощь данной тройственной связи, когда говорит о том оцепенении, которое оно производит на всех. Поэтому, по мнению Саида, «было бы неверно недооценивать силу этой тройственной связи. Восток (Orient)... откорректирован, даже наказан за то, что лежит вне границ западного общества, «нашего» мира. Именно так Восток подвергается ориентализации. Это процесс, который не только маркирует Восток как сферу действия ориентализма, но также и заставляет непосвященного западного читателя принимать кодификации ориенталистов (как, например, выстроенную в алфавитном порядке «Библиотеку» д'Эрбело) за подлинный Восток.

Короче говоря, истина становится функцией ученого суждения, а не самого материала, который временами, как кажется, самим своим существованием обязан ориенталистам».

Саид называет этот процесс дидактическим, потому что в ходе его, как дидактический материал для определенного потребителя, выстраиваются уже готовые схемы, которые необходимо принять как данность и самую последнюю инстанцию.

По Саиду, данный дидактический процесс не так уж сложно объяснить и не так уж сложно понять. «Следует только помнить, что все культуры определенным образом корректируют сырую реальность, превращая ее из неупорядоченного набора объектов в единицы знания. Проблема не в том, что такая конверсия имеет место. Для человеческого сознания совершенно естественно сопротивляться воздействию неведомого и чужого, а потому все культуры склонны существенным образом трансформировать другие культуры, воспринимая их не такими, какие они есть, но такими, какими они должны быть (к выгоде воспринимающего).

Для западного человека Восток всегда напоминал некоторые аспекты Запада. Например, для некоторых немецких романтиков индийская религия была в сущности восточной версией германо-христианского пантеизма. Тем не менее ориенталист делает такое превращение Востока из одного в другое сутью своей деятельности: он делает это ради себя самого, ради своей культуры, а иногда, как он полагает, и ради самого Востока. Этот процесс конверсии определенным образом дисциплинарно упорядочен: ему обучают, в его рамках существуют свои научные общества, периодические издания, традиции, вокабуляр, риторика — все это в основе своей связано и подпитывается господствующими культурными и политическими нормами Запада. Процесс конверсии в этой своей интенции становится все более тотальным, так что при обращении к ориентализму XIX и XX веков прежде всего бросается в глаза интенсивная схематизация им всего Востока в целом».

Саид называет данный подход имагинативной географией, ориентализацией. Когда Восток становится объектом действий Запада, удобным, мягким, который, как пластилин, можно сужать до неких лекал, урезать, подтянуть и т. д.

Иными словами, он делается в соответствии с запросами и установками того, кто совершает это действие.

«Имагинативная география — от ярких портретов из «Ада» и до прозаических описаний в «Восточной библиотеке» д'Эрбело — легитимизирует вокабуляр, универсум репрезентативного дискурса, свойственного восприятию и пониманию ислама и Востока. То, что в рамках этого дискурса считается фактом, например то, что Мохаммед — обманщик, на деле является компонентом дискурса, позицией, которую этот дискурс заставляет нас принимать, как только встречается имя Мохаммеда. В основе всех этих составляющих ориенталистского дискурса (под которым я понимаю всего лишь вокабуляр, используемый тогда, когда речь идет о Востоке) — лежит ряд фигур репрезентации, или тропов. Эти фигуры относятся к действительному

Востоку — или исламу, который является главным предметом моего исследования — также как стилизованные костюмы к персонажам пьесы. Другими словами, нам не приходится обращать внимание на соответствие между языком, используемым для изображения Востока, и самим Востоком, и не столько потому, что язык неточен, но также и потому, что он даже не пытается быть точным. Как и Данте в своем «Аду, этот язык одновременно пытается и охарактеризовать Восток как чуждый, и схематически вывести его на театральную сцену, чья аудитория, импресарио и актеры рассчитаны на Европу, и только на Европу. Отсюда колебания между знакомым и чужим.

Чем перечислять связанные с Востоком фигуры речи — его странность, отличие от нас, экзотическую чувственность и т. д. — лучше попытаемся выявить некоторые их общие черты, как они дошли до нас еще от эпохи Ренессанса. Все они декларативны и самоочевидны, грамматическое время, которым они оперируют — это вневременная вечность; они выражают впечатление повторяемости и силы, они всегда симметричны европейскому эквиваленту (хотя и диаметрально ниже), который иногда специфицируется, а иногда — нет. Для всех этих функций зачастую достаточно одной простой частицы «есть».

Наряду с ранее использованными, в ходе анализа Саид прибегает также и к такому пониманию ориентализма, которое он называет радикальным реализмом. Для него это «в философском отношении тот тип языка и видения, который я в самом общем смысле называю ориентализмом, является формой радикального реализма. Всякий, кто обращается к ориентализму (а это вполне обычное дело, если сталкиваешься с вопросами, объектами и регионами, которые принято считать восточными), будет обозначать, именовать, указывать, фиксировать то, что говорит и о чем думает словом или фразой, которые, как считается, либо полностью овладели реальностью, либо даже и есть сама реальность.

Говоря риторически, ориентализм абсолютно анатомичен и эnumerативен: пользоваться его вокабуляром, значит, участвовать в партикуляризации и разделении Востока на поддающиеся управлению части.

В психологическом отношении ориентализм — это форма паранойи, знание, отличающееся, скажем, от обычного исторического познания. Как мне кажется, отчасти это следствие имажинативной географии и тех жестких границ, которые она задает.

При этом, как отмечает Саид, данная паранойя, знание не почил в бозе, они живут, существуют также и сугубо современные вариации этих ориентализированных следствий.

Контрольные вопросы (опорные) для самопроверки

1. В чем, по Саиду, состоит троякое воздействие ориентализма?
2. Что Саид называет воображаемой/имажинативной географией, ориентализацией?
3. Какие эпитеты ориентализма предлагает Саид, обоснуйте свой ответ?

Задания для самостоятельного выполнения

1. Работа Д'Эрбело «Восточная библиотека» как классический пример ориентализма.

Список рекомендуемых ресурсов по теме лекции

1. Said, Edward W. Orientalism. London: Penguin, 2003. 396 p.